

II.2. Критика переверзевского понимания литературы

Установка рапповцев на то, что *должно быть*, т. е. на литературную программу, обусловила их сдержанное, если не сказать, негативное отношение ко всему тому, что *есть на самом деле*. Потому они резко отмежевались от Переверзева, последовательно привязавшего литературу к социальному опыту. Подозревая в его концепции серьезную угрозу для гегемонии пролетарской литературы, рапповцы решительно отвергли основополагающее значение подсознания, которому они противопоставили главенство идеологии, мировоззрения писателя. Фричеанец Анисимов говорил, например, о «сенсуалистской, узкочувственной концепции» Переверзева, о «методе психологическом»³⁸. *Переверзевщина в этом контексте означала психологизм, сведение литературного мышления к подсознанию, неприемлемую независимость от каких-либо идеологических вопросов*. Резко отрицательное понятие «переверзевщина» означало гибель психологической ветви социологического литературоведения с наступлением сталинской культуры. Тот факт, что авербаховцы сами исповедовали некоторый «психологизм», не меняет дело. В литературных произведениях и программных высказываниях налитпостовцев идеология всегда одерживала верх над психологией. Если при этом они еще могли опираться на авторитет Плеханова, то вскоре после антипереверзевской кампании они — под влиянием литфронтовцев³⁹ — были вынуждены отречься и от этого наследия, самокритично оценивая свою прежнюю позицию как непреодоленную «воронщину»⁴⁰.

Любопытно, что коллективистский аспект переверзевского понимания литературы в 1929—1930 гг. не входил в многослойное содержание «переверзевщины». Рапповцы и их идеологические друзья в не меньшей степени, чем Переверзев, подчеркивали коллективный (классовый) характер пролетарской литературы, но нередко заменяли относительно тонкие определения критикуемого ученого грубым социологизмом.